

уважительном отношении к истории. Представлением о пассеизме (живом историческом прошлом) Бенуа снимал непроницаемую грань между прошлым и настоящим, делал прошлое частью настоящего. Рассматривая национальное в культуре, Бенуа считал необходимым понимать народную культуру расширительно, включая в понятие «народ» культуру всех людей, населявших Российскую империю, не исключая ни культуры других народов (например, финнов), ни придворной культуры. А вот к идеализации народной (крестьянской, этнически окрашенной) культуры Бенуа относился настороженно. Он не приветствовал идеализации образа жизни крестьянства ни в искусстве, ни в интеллектуальных спорах. Еще более чуждым для него было широко распространенное тогда среди разночинной интеллигенции отождествление крестьянства с «простым народом». Пережив три волны революционных выступлений в России, он так и не проникся ни романтизированными представлениями о «народе» как отвлеченном интеллектуальном конструкте, ни революционным энтузиазмом масс, хотя все более и более уверялся в величии русской культуры и ее европейском характере. Эта мысль стала лейтмотивом большей части его научной, публицистической и просветительской деятельности.

А.Н. Бенуа подчеркивал свою нелюбовь к политике. Тем не менее он пытался понять причины тех трагических событий XX в., современником которых ему довелось стать. Попробуем продолжить размышления на эту тему. К социогуманитарным катастрофам XX в. вел сложный комплекс причин. Но где лежал тот глубинный механизм, который придавал им столь небывалую остроту, продолжительность и очевидную непонятность? Не та ли идеализация «традиций», что досталась эпохе Постмодерна от романтизации представлений о народе времен позднего Просвещения и раннего Романтизма, сыграла в этих процессах свою роковую роль? Ведь не случайно социогуманитаристика второй половины XX в., вдоволь наигравшись с идеализацией этнической непохожести, в новом столетии начинает избегать этнической терминологии в публичном дискурсе.

Перемещаясь по разным уровням логического обобщения, исследователи по-другому видят глубинные процессы. В том, что казалось незначительным, вдруг раскрывается вселенская глубина. Некогда С. Франк увидел глубинную причину русской революции в зависти мужика к барину и его культуре. Толчком к революционализации сознания русского крестьянства философ считал, казалось бы, мелочь – петровские нововведения в одежде. А мы хотели бы отметить неоднозначную роль институализации идеализированных образов этнического многообразия, которая постепенно встраивается в теоретические представления о культуре и искусстве. Она сопровождает теоретизацию истории национального искусства, но не является ее неотъемлемой частью. У понятия «традиции» иная функциональная роль, чем у понятия «преемственность» в искусстве. Не ключ ли это к углублению этнических конфликтов, их консервации сначала в этноцивилизационных моделях, затем в непререкаемых религиозных догматах, а также в жестких структурах современного подавления и унификации индивидуальности?

1. Андерсон, П. Истоки постмодернизма / Перри Андерсон. – М. : Территория будущего, 2011. – 208 с.
2. Богомолов, Н.А. Вокруг «серебряного века» : ст. и материалы / Николай Богомолов. – М. : Новое литературное обозрение, 2010. – 720 с.
3. Кареев, Н.И. Историка. Теория исторического знания : из лекций по общей теории истории / Н.И. Кареев. – СПб. : тип. М.М. Стасюлевича, 1913. – Ч. I. – 211 с.
4. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Жан-Франсуа Лиотар. – М. : «Ин-т экспериментальной социологии»; СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 1998. – 160 с.
5. Померанц, Г.М. Выход из трансa / Г.М. Померанц. – М. : Юрист, 1995. – 575 с.
6. Хейзинга, Й. Задачи изучения культуры // Хейзинга, Й. Homo Ludens : ст. по истории культуры / Й. Хейзинга. – М. : Прогресс-Традиция, 1997. – С. 216–269.

Кузнецова Т.И.

ИНФОРМАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ: СТАТИСТИКА В ИЗУЧЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Разнообразие текстов, которые могут быть использованы в качестве исторических источников, почти бесконечно и ограничивается лишь их сохранностью, доступностью для исследователя и пониманием последним предмета исторической науки, конкретного предмета исследования, сущности исторического источника и его информативного потенциала, а так же методического инструментария учёного-историка.

Сегодня, по мере развития исторической науки, всё множество потенциальных источников можно разделить на две неравные категории, к одной из которых относятся тексты, являющиеся порождением и воплощением определённой культурно-исторической эпохи, к другой же – намеренные результаты исследовательско-аналитической практики историка. К этим вторичным по происхождению историческим источникам может быть причислена статистика, получаемая в ходе широкого применения статистического метода анализа, суть которого состоит не столько в количественной характеристике тех или иных явлений, сколько в определении числовых соотношений, выражающих связь одно- и разноуровневых явлений и дающих их качественную характеристику.

Подобный метод анализа различных источников и формирование на его основе нового комплекса источников особенно важны в изучении сложных социальных феноменов, к каковым относятся политические партии. Латинское по происхождению слово «партия» (*pars, partis*) означает часть, участие, доля, область, край, сторона, отношение, партия (группа людей), роль (театральная), должность, обязанность, долг [1, с. 727] и указывает тем самым на такие существенные, взаимосвязанные моменты, как обособленность единичного и причастность его целому или соучастие в нём. Отсюда следует, что политические партии являются потенциально открытыми системами, т.е. имеющими широкие, интенсивные, регулярные, возобновляемые обратные связи с обществом, его слоями и группами. Причём эти связи есть как реальные, выраженные на уровне социального состава и аудитории партии, так и иллюзорные, творимые партийными идеологами. В силу этого первостепенное значение приобретает социальный анализ партии на трёх сложных и взаимосвязанных уровнях – социального состава и аудитории партии, её организационной структуры и идеологической системы. Такой анализ, результатом которого становится «реконструкция» социального облика партии, имеет три связанных друг с другом аспекта:

1. Выяснение связи лиц и групп, различным образом поддерживающих партию, с определённой территорией, что особенно важно в условиях региональной специфики социально-экономического развития.

2. Определение сфер(ы) деятельности и позиции, занимаемой в ней (них). Принципиальное значение имеет пребывание лиц во властном пространстве (и удельный вес подобных лиц в составе партии). Оно позволяет принимать и реализовывать решения, обязательные для тех, кто не входит во властное поле, контролировать, т.е. формулировать, насаждать, корректировать смыслы, значимые для индивидов и потому могущие соединять их в нужные для эффективного (или представляющегося таковым) управления обществом группы.

3. Определение характера социальных связей, присущих членам партии разного ранга. Он обуславливается «содержанием» сферы деятельности и занимаемым в ней пространством. При этом «содержание» сферы деятельности того или иного лица связано с его потенциальными широтой – узостью контактов, их интенсивностью – редкостью, мобильностью – неподвижностью, склонностью к новизне и готовностью принять другое – консервативностью (невосприимчивостью к новизне и другому). Эти же социально-психологические особенности индивидов сказываются на функционировании политических институтов, в которые они вовлекаются как субъекты или объектами воздействия которых являются.

Включённость человека в различные сферы деятельности (значим сам «набор» сфер его реализации) характеризует горизонтальный срез его социальных связей. Он позволяет определить социальную эволюцию как индивидов, так и созданных ими общностей, в том числе и организационно оформленных. Вовлечённость же субъекта в разного уровня властные поля выражает вертикальный срез социальных связей. Он указывает как на возможные способы воздействия функционеров на членскую массу партии, на средства расширения ею своей социальной базы, так и на ряд особенностей партийной организационной структуры.

Соотношение горизонтальных и вертикальных социальных связей, свойственных партийным деятелям, определяет их тип, который, в свою очередь, маркирует механизм функционирования партии в политической системе.

Подобное представление о политической партии диктует определённый отбор исторических источников и методов их анализа. Необходим материал, разнообразный по характеру и позволяющий определить социальные и структурные меж – и внутрисистемные связи, причём в их синхроническом и диахроническом измерениях. А также необходим «человеческий материал», поскольку любой политический институт составляют люди, социальная определённость которых (ригидность, т.е. социальное наследование или сохранение «профессии отцов», характер образования, позиция во властном пространстве, мобильность, горизонтальная и вертикальная,

тип социальных карьер, круг и места общения и др.) сказывается на функционировании этого института. Наконец, нужны массовые данные, которые делают возможным количественную характеристику качественной стороны изучаемых явлений.

К таковым источникам относятся, например, в истории Латышского Крестьянского союза – ведущей политической партии в Латвийской Республике 1918–1934 годов, – комплекс материалов центральных органов партии (Совета и Правления) и 560 местных партийных организаций, из которых только 12 являлись городскими, что уже само по себе свидетельствует о локальном, преимущественно сельском характере этой партии.

Документы местных партийных отделений фрагментарны, нередко не охватывают весь период существования Крестьянского союза (1917–1934), что косвенно отражает нестабильность функционирования низового звена партийной организации [14].

Материалы центральных органов партии представляют собой, в основном, протоколы съездов и конференций, зачастую черновые, написанные от руки, и только на рубеже 20–30 годов приобретшие обработанный вид; списки делегатов и гостей партийных съездов и конференций с указанием их рода занятий; опубликованные инструкции, программа партии, её кассовые книги с указанием источников доходов, их суммы и росписью расходов.

К опубликованным источникам относятся результаты выборов и стенограммы Учредительного Собрания (1920–1922) [4, 5] и четырёх саэймов (1922–1925; 1925–1928; 1928–1931; 1931) [6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13], партийный официоз «Brīvā Zeme» [1], биографические издания „Latvijas darbinieku galerija 1918-1928) и „Es viņu pazīstu: Latviešu biogrāfiskā vārdnīca” [2].

Извлечённый из этих источников и статистически обработанный материал образует комплекс вторичных исторических источников – разнообразную по происхождению и содержанию статистику, которую можно разделить на следующие группы:

1. Статистика биографий партийных функционеров различного уровня, кандидатов партии на выборах в Учредительное Собрание и саэймы, избранных депутатов от данной партии, членов правительства, представляющих эту политическую организацию.

Биографический материал позволяет выявить типы партийных функционеров, преобладание того или иного типа (и сдвиги, происходящие с течением времени в этом плане), что обнажает уровень политической зрелости членской массы партии, степень устойчивости её именно как политической организации и помогает понять «механизм» её функционирования.

Так, например, для Латышского Крестьянского союза были характерны два типа партийных функционеров, определяемых по характеру присущих им социальных связей, показателями которых являются социально-профессиональные различия, различия позиций в той или иной сфере деятельности. К первому типу относились лица профессионально образованные, локально не ограниченные в своём жизненном опыте (учились, работали вне Латвии), связанные с Ригой, обладающие в силу этого большим или меньшим кругозором, известные относительно широкой аудитории, ввиду характера своей деятельности – политической ли, лекторской ли, публицистической ли. Социальные связи данной группы партийных деятелей – широкие, основанные на известности, специфической популярности в социально ограниченной среде – среде кооперированных зажиточных сельских хозяев. Именно поэтому было возможно создание местных партийных отделений приезжими лекторами, по большей части агрономами.

Ко второму типу партийных функционеров можно отнести лиц социально малоподвижных (для них характерны отсутствие профессионального образования, локальность деятельности), но при этом занимающих «руководящее пространство» местного уровня. Партийные функционеры этого типа соединяют в себе экономическую (руководство кооперативными организациями) или административную, или ту и другую власть одновременно. Социальные связи подобных партийных деятелей в силу занятия ими местного «властного пространства» являются более глубокими, чем социальные связи партийных функционеров первого типа, ибо в их основе лежат различного рода социально-психологические зависимости. Причём влияние этого рода социальных связей могло усиливаться как в результате длительного пребывания лица на той или иной руководящей позиции, так и в результате занятия одним и тем же лицом руководящих должностей в нескольких однотипных организациях.

Анализ биографических сведений даёт возможность определить степень совпадения социально-классовых категорий у социально-профессиональных групп, степень социального наследования, которые являются показателями меры однородности социального состава партии.

Наличие же данных, относящихся к началу и концу изучаемого периода, позволяет выявить характер сдвигов в нём.

2. Избирательная статистика, включающая в себя, во-первых, данные о количестве голосов (абсолютном и относительном), которые партия собирала на выборах в Учредительное Собрание и сэймы. При этом в условиях региональных отличий в уровнях и характере социально-экономического развития, важно определение порайонной концентрации электората, что даёт дополнительную информацию о социальной аудитории партии.

Во-вторых, кандидатские списки с фиксацией количества голосов, полученных кандидатом в своём списке и в списках других партий, что свидетельствует о характере голосования – за партию или за лицо, - обнажающем уровень политической зрелости избирательного корпуса партии.

3. Кассовые книги партии, статистический анализ которых позволяет определить степень активности (соучастия) её членской массы (по доле членских взносов в структуре доходов партии), социально-структурные связи по источникам финансирования, характер и интенсивность идеологического воздействия партии на её аудиторию по расходам на различные его формы – средства массовой информации, устные выступления.

4. Тематическая статистика материалов партийного печатного органа. Тематическое содержание и его изменение отражают характер идеологического воздействия газеты на потенциальную читательскую аудиторию. Так например, сокращение количества публикаций на политические темы при увеличении удельного веса художественных произведений, фотографий, советов, пригодных для домашнего обихода, рекламы свидетельствует о преимущественной апелляции к чувству, эмоциям, узкому, тёплому практицизму (домашности) политически малоразвитого читателя, весьма далёкого от политики, что придавало создаваемой в массовом сознании общности «мы» не столько рационально-политический характер сколько эмоционально-психологический, причём этот уровень политического развития подобными публикациями консервировался.

5. Авторская статистика партийного печатного издания. Так, увеличение количества статей лидеров партии в данной газете, расширение печатного пространства, предоставляемого им в местных изданиях, говорят об интенсивности идеологического воздействия, ориентированного на создание иллюзии личностных связей между социальной аудиторией и партийным руководителем.

6. Статистика открытых голосований – в Учредительном Собрании и сэймах – приоткрывает завесу над реальными, а не декларируемыми отношениями между партиями.

7. Партийная статистика включает в себя данные о членской массе, социально и регионально определённой, о составе руководящих органов партии, о локальном размещении и количественном составе местных партийных организаций. Эта информация вкупе с другой, прежде всего, с избирательной статистикой, позволяет обнаружить тенденции эволюции партии. Так, например, соотношение между членской массой и избирательным корпусом Латышского Крестьянского союза с 1920 года по 1931 год, свидетельствующее о сокращающемся разрыве между количеством членов партии и количеством голосов избирателей, полученных на выборах в Учредительное Собрание и сэймы, указывает на тенденцию нарастающей закрытости Крестьянского союза, т.е. сужение его социальной базы, ослабление системы широких, активных обратных связей партии и её аудитории.

8. Статистика лиц в составе кабинета министров с учётом их партийной принадлежности проявляет и степень устойчивости правительства, и тенденцию образования клики, т.е. замкнутого узкого круга, состоящего из персон, длительное пребывание которых на одном уровне властного пространства, к тому же сочетающееся (судя по адресным книгам) с близостью мест жительства, содействовало «прорастанию» этого круга личными связями. Значительная же степень совпадения правительственного круга и партийных функционеров является признаком образования правящей элиты на основе «огосударствления» партийных верхушек. А это в свою очередь говорит о процессе внутреннего разложения партийно-парламентской системы, объективно делающего возможной её ликвидацию.

9. Статистика лексических единиц в тех или иных вербальных текстах, сочетающаяся с их семантико-контекстуальным анализом, позволяет выявить воплощённую в этих текстах личную и формируемую модель мировосприятия, равно как и систему представлений о разнообразных явлениях мира и человека (картина мира). При этом особое внимание следует уделить прилагательным (определениям), поскольку преимущественное их употребление свидетельствует о том, что обозначаемое ими представляется всепронизывающим началом, окрашиваю-

шим каждое явление мира людей, придающим ему некое качество и, таким образом, является призмой, через которую воспринимается социальный мир.

Так, например, анализ вводной части программы Латышского Крестьянского союза, в которой 21 раз дано определение «латышский» к обозначениям социальной общности «крестьянство», «крестьянин», «народ», показывает насаждение партией представления о должной тождественности национальной и социальной общностей.

Итак, различная по происхождению и содержанию статистика даёт возможность системного изучения политической партии как социального феномена, осознание целостности которого побуждает к выявлению его «внутренней» истории.

1. Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. – М. : Русский язык, 1976. – 1096 с.
2. Btīvā Zeme. – 1920–1934.
3. Es viņu pazīstu: Latviešu biogrāfiskā vārdnīca. – Michigan Grand Haven, 1975.
4. Latvijas darbinieku galerija. 1918–1928. – Rīga, 1929.
5. Latvijas Republikas Saeimas vēlēšanu iznākumi. – Rīga, 1923.
6. Latvijas Republikas Saeimas vēlēšanas 1925. g. – Rīga, 1926.
7. Latvijas Republikas Saeimas vēlēšanas 1928. g. – Rīga, 1929.
8. Latvijas Republikas Saeimas vēlēšanas 1931. g. – Rīga, 1933.
9. Latvijas Satversmes Sapulces vēlēšanu rezultāti. – Rīga, 1920.
10. Latvijas Satversmes Sapulces Sesijas 1–16. Stenogrammas. – Rīga, 1920–1922.
11. Latvija. Saeima 1. Sesijas 1–8. Stenogrammas. – Rīga, 1922–1925.
12. Latvija. Saeima 2. Sesijas 1–9. Stenogrammas. – Rīga, 1925–1928.
13. Latvija. Saeima 3. Sesijas 1–9. Stenogrammas. – Rīga, 1928–1931.
14. Latvija. Saeima 4. Sesijas 1–9. Stenogrammas. – Rīga, 1931–1934.
15. LNA LVVA. – f. 3282.

Костякова Ю.Б.
РОЛЬ ИСТОЧНИКОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ
(на материалах Хакасии)

Средства массовой информации являются важным явлением общественной жизни и значимым результатом человеческой деятельности. Поэтому изучение их прошлого предполагает привлечение широкого круга источников, в которых можно обнаружить ценные сведения о работе редакций, деятельности журналистов, взаимодействии СМИ с властью и аудиторией, о процессе формирования содержания периодических изданий, радио- и телевидения. Среди таких источников мемуары занимают особое место, поскольку в них часто содержится не только фактическая, но и оценочная информация.

Анализ содержания автобиографий, рукописей статей и сценариев телепередач, черновиков текстов речей, воспоминаний, записных книжек и других источников личного происхождения позволяет выявить новые факты, неочевидные связи событий и явлений, не нашедшие своего отражения в других источниках. Изучение таких документов помогает оценить прошлое через восприятие его современников, восстановить ход некоторых событий, объяснить мотивацию поступков действующих лиц, создать портретные характеристики сотрудников СМИ, выявить важные детали деятельности средств массовой информации, особенности организации информационного обмена в массово-информационном пространстве в различные периоды времени.

Поиск таких источников осуществляется обычно в опубликованных и неопубликованных материалах. К первым мы относим художественно-публицистическую литературу, газетные и журнальные статьи, сборники воспоминаний, писем и личных документов. Их главным достоинством является доступность для исследования, наличие их систематизации (в библиотеках, электронных базах данных), что облегчает работу с такими источниками. Вторая группа содержит достаточно широкий спектр произведений, которые можно отнести к устной истории (анекдоты, журналистские байки, профессиональные поговорки, каламбуры, устные воспоминания), а также документы, сохранившиеся в личных архивах, архивных фондах журналистов, общественных и партийных деятелей.

Рассматриваемые источники условно можно разделить на следующие группы:

1. Газетные публикации, радио- и телепередачи и сюжеты, подготовленные к юбилею средства массовой информации. Материалы аудиовизуальных СМИ чаще всего оказываются труднодоступными для исследователя, поскольку представляются широкой публике, в основном,